

ПРАВОВАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА В АСПЕКТЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

О.М. Литвишко

*Кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
e-mail: olitivishko@yandex.ru*

Пятигорский государственный университет

М.Г. Большакова

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода»
e-mail: marie-mary@yandex.ru*

Севастопольский государственный университет

Активизация вовлеченности населения в юридическое взаимодействие, обусловленная демократизацией общества и развитием информационных технологий, актуализирует проблему доступности неспециалистам профессионального юридического знания, что повышает потенциал коммуникативных неудач. Популяризация юридического дискурса, подразумевающая повышение осведомленности населения о наиболее значимых юридических концептах и правовой концептосфере в целом, будет способствовать более эффективной коммуникации неспециалистов с профессиональными юристами.

Ключевые слова: *английский язык, концепт, правовая концептосфера, популяризация профессионального знания, профессиональный дискурс, русский язык, термин, юридический дискурс.*

Введение.

Право является одной из сфер социальной жизни, которой свойственен чрезвычайно высокий уровень разнонаправленного и разновекторного коммуникативного взаимодействия его субъектов. С одной стороны, государство предписывает гражданам соблюдать закон, следовать нормам права в повседневной бытовой и хозяйственной деятельности. С другой стороны, население принимает участие в выборах, формулирует гражданскую позицию, оказывает воздействие на выработку законодательных инициатив, что демонстрирует пример государственно-правового взаимодействия. И это далеко не полный список современных коммуникативных практик, характеризующих правовую сферу. Так, осуществляя экономическую деятельность, граждане сталкиваются с нарушением законодательства, обращаются в суд, принимают участие в судебных разбирательствах, прибегают к помощи профессиональных

юристов, заключают договоры, сделки, т.е. вступают в гражданско-правовые отношения. Нередко граждане нарушают закон, что инициирует иной тип взаимодействия граждан и власти – уголовно-правовые отношения, выражающиеся в уголовном преследовании, осуждении, лишении свободы. Таким образом, право и юриспруденция присутствуют в жизни каждого человека ежедневно, а такие базовые для правовой сферы концепты, как «закон», «суд», «правопорядок», «правосудие» прочно вошли в лексикон граждан практически в каждой стране мира.

Говоря об актуальности и важности юриспруденции в различных современных жизненных ситуациях, следует подчеркнуть, что любые юридические вопросы и проблемы требуют активной вовлеченности коммуникативной деятельности. Иными словами, любое юридическое действие воплощается языком, и именно особенности вербального оформления мыслей, специфика языкового отражения знаний представляет сегодня большой исследовательский интерес. Не удивительно, что данная коммуникативная действительность современного социума все чаще оказывается в центре внимания представителей когнитивного направления лингвистики как в нашей стране [Болдырев 2015; Кубрякова 2012; Стернин 2001], так и за рубежом [New Directions in Cognitive Linguistics 2009]. Тем не менее, идейное содержание концептов, равно как и лингвистические средства их вербализации, отличаются в зависимости от принадлежности к той или иной лингвокультуре. Как справедливо в данной связи отмечает Н.Э. Агаркова, истинным концептом культуры является лишь то явление, которое представляет социально значимый феномен, обладающий определенными функциями в данном социуме, т.е. в нем сконцентрировано все самое ценное для той или иной культуры [Агаркова 2001: 8].

Понимание содержания лексических единиц и совокупности приемов семантического представления плана содержания языковых единиц [Воркачев 2001: 68], в том числе в рамках определенных типов дискурса, т.е. концептуализация как когнитивный процесс, в ходе которого люди выстраивают свои отношения с объектами окружающего мира и формируют свое видение взаимосвязи между ними [Рахилина 2008: 167-172], выступает, по мнению Е.С. Кубряковой, одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека и заключается «в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Кубрякова 1996: 90-93]. Н.Н. Болдырев предлагает рассматривать концептуализацию в качестве познавательного процесса выделения и осмысления объектов, событий, их связей и характеристик и закреплять результаты познания в виде единиц знания – концептов, которые выделяются человеком с целью последующей

передачи их в языковой форме или дальнейшего накопления знаний о мире [Болдырев 2016: 18].

Концептосфера юриспруденции как «система представлений, значений, образов и ассоциаций, возникающих в индивидуальном и массовом сознании в процессе восприятия и осмысления ключевых морально-нравственных категорий, имеющих правовую нагрузку» [Бакулина 2012: 4] и включающая концепты – «различные структуры, фреймы, сценарии, идеальные когнитивные схемы, иерархии» [Гатауллина 2020: 31] репрезентирована в юридическом языке определенными материальными знаками.

Как отмечает М.Н. Федулова, «концептосфера юридического дискурса ... имеет максимально строгую структуру вербально-терминологического закрепления в языке (в системе терминов, понятий)» [Федулова 2017: 107] и представлена несколькими группами лексико-семантических единиц, призванных транслировать аксиологические, нормативно-перформативные установки. Обеспечивая правосудие, укрепляя авторитет закона, осуществляя правовую коммуникацию и обмен информацией по правовым вопросам, формируя и поддерживая корпоративную юридическую культуру [Литвишко 2019: 69], специалисты оперируют языковыми единицами как средствами вербализации концептов, формирующих основу концептосферы юридического дискурса. Таким образом, прибегая к использованию терминов, специалисты «говорят языком концептов» [Федулова 2017: 111].

Материалы и методы.

Материалом исследования выступают специализированные лексикографические источники – Англо-русский полный юридический словарь [Мамулян, Кашкин 2005], онлайн-словарь Cambridge English Dictionary [Cambridge Dictionary Online [http](http://)], Толковый словарь Ожегова онлайн [Толковый словарь Ожегова онлайн [http](http://)], поисковая система для перевода в контексте Reverso Context [Reverso Context [http](http://)].

Анализ текстовых блоков (примеры функционирования терминов в контексте) включал использование контент-анализа, нацеленного на фиксацию терминологических единиц, репрезентирующих правовые концепты. При работе с лексикографическими источниками применялся, позволивший сопоставить термин с концептом. Методика сравнения двух профессиональных языков в сочетании с двусторонним сопоставительным анализом терминов позволила сравнить семантические характеристики терминов в двух языках – русском и английском, а также сопоставить способы вербализации правовых концептов в исследуемых языках.

Результаты.

В современной ситуации усиления вовлеченности различных категорий граждан в юридическое взаимодействие, в том числе как следствие демократизации общества и стремительного развития информационных технологий (электронная демократия, онлайн-петиции и пр.), активизации гражданских инициатив, важно, чтобы профессиональная языковая картина была доступна неспециалистам, поскольку гражданское участие часто подразумевает разнонаправленный характер коммуникации.

В ряде современных исследований юридического дискурса поднимается вопрос о выделении в отдельный вид дискурса самостоятельной сферы социальной коммуникации, не имеющей отношения к правотворчеству и правоприменению, а, скорее, к объяснению права [Аверин 2020: 7], т.е. популяризации профессионального юридического дискурса, подразумевая осуществление коммуникации в координатах специалист→неспециалист. Исследователь А. Аверин предлагает разграничивать понятия профессионального юридического дискурса и популярно-юридического дискурса, главной функцией которого является выражение доступным языком, системно и структурировано, представлений профессиональных юристов о юридической практике по насущным для граждан вопросам.

Так, например, на сайте бесплатной юридической помощи pravoved.ru [Правовед.ru. [http](http://pravoved.ru)] граждане имеют возможность задать вопрос юристу и бесплатно получить юридическую консультацию по указанной проблеме. На обращение следующего содержания:

Хочу обжаловать взыскание исполнительского сбора за неоплату вовремя штрафа за административное правонарушение
квалифицированный юрист предоставил следующий ответ:

Постановление о взыскании исполнительского сбора можно обжаловать в суде в порядке КАС РФ путём подачи административного искового заявления. Обратите внимание, что такое постановление является самостоятельным исполнительным документом, а для судебного обжалования установлены специальные процессуальные сроки. Вам необходимо указать процессуальные нарушения, которые позволят суду отменить постановление пристава. Одного факта несогласия с данным постановлением недостаточно.

В данном примере и неспециалист, и профессиональный юрист используют соответствующую юридическую терминологию, однако, если в речи неспециалиста терминологические единицы (*обжаловать, взыскание, исполнительский сбор*) употребляются в синтаксической конструкции, характерной для разговорного языка (*хочу обжаловать ...*), то профессиональный юрист в своей речи придерживается канон

юридического языка, умело оперируя профессиональными терминами в стандартных для юридического дискурса синтаксических оборотах.

Отдельной проблемой, заслуживающей внимания исследователей, является противоположная направленность коммуникации, т.е. в рамках взаимодействия неспециалист→специалист, например, когда гражданин обращается за юридической помощью, в том числе посредством сервисов онлайн-консультирования, подает документы в суд и т.д. По нашему убеждению, такой формат коммуникации требует от неспециалиста определенных знаний профессиональной терминологии, тем самым доказывая важность понимания юридической картины мира среди неспециалистов.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что для эффективного осуществления коммуникации необходимо овладение профессиональным коллективно выработанным понятийно-категориальным аппаратом юридической сферы, что подразумевает понимание системы концептов, которые выполняют регулятивную роль в организации и жизни общества, выражают нормативно-регулятивные функции в целях правового взаимодействия и общественного развития [Федулова 2017: 107].

Непонимание, неверное толкование и как следствие неправильное употребление в речи профессиональных терминов приводит к нарушению коммуникации. Как указывает М.Е. Воробьева, «понимание правовых норм рядовыми носителями языка не всегда соответствует правовой идее, заложенной законодателем в правовом тексте ..., вследствие чего возникает потенциал коммуникативной неудачи» [Воробьева 2014: 4].

В диссертационном исследовании М.Е. Воробьевой выявлен ряд причин, обуславливающих неверное обыденное толкование юридических терминов неспециалистами [Воробьева 2014: 16-18]. Дополним данные причины конкретными примерами, взятыми из различных юридических лексикографических источников.

Итак, к числу причин неверного толкования терминов автор относит:

- 1) значение лексической единицы в общеупотребительном языке шире, чем в его терминологическом понимании – например, терминоединица *array* в общеупотребительном значении, согласно дефиниции Cambridge Dictionary, означает “*a large group of things or people, especially one that is attractive or causes admiration or has been positioned in a particular way*” [Cambridge Dictionary Online [http](http://)], т.е. множество, диапазон, комплект, массив, список и т.д., тогда как в профессиональном контексте данный термин переводится как «список присяжных» / «составлять список присяжных» [Мамулян, Кашкин 2005: 64];
- 2) однозначные юридические термины оказываются многозначными в обыденном понимании, т.е. термину присуща асимметрия языкового знака – так, например, термином *party* в юридическом дискурсе именуется

сторона (в договоре – *a party to a contract*; сторона в деле – *party to a lawsuit*) [Мамулян, Кашкин 2005: 526], а в общеупотребительной лексике данная единица имеет достаточно большое количество значений, начиная от вечеринки, группы людей, политической партии до компании, свиты или бригады;

3) подмена одного профессионально-юридического термина другим – термин *paper* имеет несколько вариантов перевода на русский язык в пределах юридического дискурса, означая «документ», «вексель», «банкнота», «статья», «периодическое издание», «доклад» [Мамулян, Кашкин 2005: 516], в связи с чем возникает опасность неверного толкования термина в конкретном контексте;

4) отсутствие в лексикографическом значении термина ряда семантических признаков, присутствующих в сознании носителей языка, или, наоборот, отсутствие в сознании носителей языка семантических признаков термина, зафиксированных лексикографически, – примером может служить сопоставительный анализ термина *tribunal* – «трибунал» в английском и русском языках. Так, согласно вариантам перевода, представленным в Англо-русском полном юридическом словаре, термину *tribunal* соответствуют следующие русскоязычные термины: «орган правосудия», «судебное или арбитражное учреждение», «орган административной юстиции» [Мамулян, Кашкин 2005: 730], а в других юридических документах предлагаются такие варианты перевода, как «суд», «(национальный) судебный орган» [Литвишко 2022: 119]. В русском языке термином «трибунал» обозначают, прежде всего, «чрезвычайный судебный орган» или «военный суд» [Толковый словарь русского языка [http](http://)];

5) подмена абстрактных понятий общеупотребительными конкретными – *transfer* может означать и уступку прав (цессию), и денежный перевод [Мамулян, Кашкин 2005: 722], при этом «денежный перевод» является более знакомым термином для неспециалистов;

6) предпочтение видовым обозначениям, используемым вместо родовых, – англоязычные термины *estate* и *property* демонстрируют данную тенденцию. Согласно дефиниции Cambridge Dictionary, *estate is everything that a person owns when they die* (имущество – это все, чем владеет человек, когда умирает), а термин *property* обозначает объект собственности – *a thing or things owned by someone* [Cambridge Dictionary Online [http](http://)], т.е. *estate* является более общим по значению, являясь родовым понятием. Тем не менее, в ряде примеров видовое понятие используется вместо родового: *Everything outside your lot is common property*. – Все, что находится за пределами вашего участка, является общим имуществом [Reverso Context [http](http://)];

7) использование дефиниционной стратегии как способа толкования терминов – показательными в данном контексте являются терминологические лакуны в сфере уголовного права, такие как *bin raiding, electronic pickpocketing, formjacking, ghosting, phishing, skimming, smishing, whailing* [Айвазян, Гарамян, Литвишко 2022: 48-50];

8) эксплуатация ассоциативной стратегии с высокой степенью субъективности ассоциаций – термин *impeachment* традиционно ассоциируется с привлечением к ответственности высших должностных лиц государства, однако в англоязычном юридическом дискурсе данный термин используется также в контексте оспаривания показаний свидетеля или оспаривания судебного решения [Мамулян, Кашкин 2005: 397];

9) актуализация мотивированных признаков в дефинировании терминов – *movable / immovable estate, false – falsehood – falseness*;

10) наличие метонимического признака в толковании терминов, обозначающих государственные и властные структуры, – *government body, House of Lords, House of Commons*.

Помимо терминологии, объективация в речи концептов правовой сферы также осуществляется при помощи паремиологических и фразеологических единиц, которые отражают самосознание народа при помощи языка и ретранслируют информацию, «в основе которой лежит система знаний человека о мире и осмысление этих знаний в результате коммуникации» [Багиян, Натхо, Ширяева 2017: 28]. Представляется, что паремии и фразеологизмы следует относить к имплицитным концептам, т.е. концептам, реализованным в тексте «средствами не прямой вербализации, лексемами, входящими в вербальную сферу концепта, но не являющимися ее ядерными номинантами» [Бутенко 2013: 56], что можно продемонстрировать на примере таких паремий, как «*не пойман, не вор*», «*на ловца и зверь бежит*», «*на сыщика вор наскакивает*».

Первая паремия, согласно словарю В.И. Даля, подразумевает концептуальную оппозицию ПРАВДА-НЕПРАВДА [Даль <http>], однако она вербализована косвенно, т.е. с использованием лексических единиц в переносном значении, при этом данные средства вербализации не входят в дефиницию, представленную в словаре С.И. Ожегова: «*правда – то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей; справедливость, честность, правое дело*» [Толковый словарь Ожегова онлайн <http>]. Вторая паремия объективирует концептуальную оппозицию ПОИСК-НАХОДКА [Даль <http>], однако средства ее лингвистической реализации включают ряд стилистических приемов, таких как синтаксический параллелизм, метафора, тогда как согласно дефиниции «*поиск*» подразумевает «*действия ищущего, розыски кого-чего-н.; разведочные работы по обнаружению чего-н.*» [Толковый словарь Ожегова онлайн <http>].

Заключение.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что усилившееся юридическое взаимодействие в двух противоположных координатах, т.е. специалист→неспециалист и неспециалист→специалист, представляющее эффективную разнонаправленную коммуникацию, неизбежно требует от неспециалистов понимания наиболее значимых юридических концептов, формирующих профессиональную юридическую концептосферу как «ментальное образование, заполненное иерархически организованной системой концептов – квантов соответствующих элементов лингвокультуры» [Бутенко 2013: 57]. Будучи объективированной посредством целого ряда языковых единиц, правовая концептосфера ретранслирует накопленные знания и результаты познавательной деятельности, выражает сложившиеся в социуме правовые нормы, осуществляя нормативную регламентацию жизни общества.

Библиографический список

Аверин А.С. Популярно-юридический дискурс: формирование концепции // Филология и культура. 2020. № 1(59). С. 6-18.

Агаркова Н.Э. Концепт «деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск: ИГЭА, 2001. 20 с.

Айвазян Н.Б., Гарамян А.В., Литвишко О.М. Терминологические лакуны в контексте дигитализации англоязычной терминосистемы уголовного права // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 43–53.

Багиян А.Ю., Натхо О.И., Ширяева Т.А. Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект. Казань: Изд-во «Бук», 2017. 184 с.

Бакулина С.Ю. Концептосфера права как фактор гуманизации культуры: автореф. дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2012. 24 с.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.

Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация / Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16-25.

Бутенко Е.Ю. О концептуализации и деконцептуализации понятий Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 55-57.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С.64-72.

Воробьева М.Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово: КемГУ, 2014. 24 с.

Гатауллина Н.А. Когнитивно-семантические особенности терминологии американского договорного права: дисс ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 27 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. URL: <https://vdahl.ru/word/вор/> (дата обращения: 05.12.2022).

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 203 с.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Фило.фак. МГУ, 1996. 245 с.

Литвишко О.М., Черноусова Ю.А., Карнаух Т.В. Феномен межъязыковой лакуарности в англоязычном юридическом дискурсе // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2022. № 15. С. 112-125.

Литвишко О.М. Функционально-стилевая специфика языка права: лексико-семантический и синтаксический аспекты // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2019. № 12. С. 68-76.

Мамулян А.С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Эксмо, 2005. 816 с.

Правовед.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoved.ru/> (дата обращения 05.12.2022).

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 415 с.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 58-65.

Толковый словарь Ожегова онлайн. Трибунал [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32306> (дата обращения: 05.12.2022).

Федулова М.Н. Система концептов в юридическом дискурсе // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4(34). С. 106-115.

Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/array> (дата обращения: 05.12.2022).

Reverso Context [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net/translation/english-russian/property> (дата обращения: 05.12.2022).

New Directions in Cognitive Linguistics / Ed. by V. Evans, S. Pourcel. Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. 519 p.

References

Averin A.S. Populyarno-yuridicheskij diskurs: formirovanie koncepcii // *Filologiya i kul'tura*. 2020. № 1(59). S. 6-18.

Agarkova N.E. Koncept «den`gi» kak fragment anglijskoj yazy`kovoju kartiny` mira (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo yazy`ka): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Irkutsk: IGE`A, 2001. 20 s.

Ajvazyan N.B., Garamyan A.V., Litvishko O.M. Terminologicheskie lakuny` v kontekste digitalizacii angloyazy`chnoj terminosistemy` ugolovnogogo prava // *Aktual`ny`e problemy` filologii i pedagogicheskoj lingvistiki*. 2022. № 2. S. 43–53.

Bagiyana A.Yu., Natxo O.I., Shiryayeva T.A. Mudrost` vekov v yazy`ke biznesa. Paremii v angloyazy`chnom nauchno-populyarnom delovom diskurse: kognitivno-diskursivny`j aspekt. Kazan`: Izd-vo «Buk», 2017. 184 s.

Bakulina S.Yu. Konceptosfera prava kak faktor gumanizacii kul`tury`: avtoref. diss. ... kand. kul`turologii. SPb., 2012. 24 s.

Boldy`rev N.N. Antropocentricheskaya sushhnost` yazy`ka v ego funkciyax, edinicax i kategoriyax // *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki*. 2015. № 1 (42). S. 5-12.

Boldy`rev N.N. Tipologiya konceptov i yazy`kovaya interpretaciya / *Novaya Rossiya: tradicii i innovacii v yazy`ke i nauke o yazy`ke: materialy` dokl. i soobshh. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashh. yubileyu Zasluzh. deyat. nauki RF, d-ra filol. nauk, prof. L.G. Babenko, 28-30 sent. 2016 g. Ekaterinburg: Kabinetny`j ucheny`j*, 2016. S. 16-25.

Butenko E.Yu. O konceptualizacii i dekonceptualizacii ponyatij *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. 2013. № 7 (25): v 2-x ch. Ch. II. C. 55-57.

Vorkachev S.G. Lingvokul`turologiya, yazy`kovaya lichnost`, koncept: stanovlenie antropocentricheskogo paradigmy` v yazy`koznanii // *Filologicheskie nauki*. 2001. № 1. S.64-72.

Vorob`eva M.E. Interpretacionnoe funkcionirovanie yuridicheskogo yazy`ka v oby`dennom soznanii (na materiale tolkovanij yuridicheskix terminov ryadovy`mi nositelyami russkogo yazy`ka): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kemerovo: KemGU, 2014. 24 s.

Gataullina N.A. Kognitivno-semanticheskie osobennosti terminologii amerikanskogo dogovornogo prava: diss. ... kand. filol. nauk. SPb., 2020. 27 s.

Dal` V.I. Poslovicy russkogo naroda [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://vdahl.ru/word/vor/> (data obrashheniya: 05.12.2022).

Kubryakova E.S. V poiskax sushhnosti yazy`ka: Kognitivny`e issledovaniya. M.: Znak, 2012. 203 s.

Kubryakova E.S. Kratkij slovar` kognitivny`x terminov / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem`yankov, Yu.G. Pankracz, L.G. Luzina. M.: Filo.fak. MGU, 1996. 245 s.

Litvishko O.M., Chernousova Yu.A., Karnaux T.V. Fenomen mezh`yazy`kovoj lakunarnosti v angloyazy`chnom yuridicheskom diskurse // *Professional`naya kommunikaciya: aktual`ny`e voprosy` lingvistiki i metodiki*. 2022. № 15. S. 112-125.

Litvishko O.M. Funkcional'no-stilevaya specifika yazy`ka prava: leksiko-semanticheskij i sintaksicheskij aspekty` // Professional'naya kommunikaciya: aktual'ny`e voprosy` lingvistiki i metodiki. 2019. № 12. S. 68-76.

Mamulyan A.S., Kashkin S.Yu. Anglo-russkij polny`j yuridicheskij slovar`. M.: E`ksmo, 2005. 816 s.

Pravoved.ru [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://pravoved.ru/> (data obrashheniya 05.12.2022).

Raxilina E.V. Kognitivny`j analiz predmetny`x imen: semantika i sochetaemost`. M.: Russkie slovari, 2008. 415 s.

Sternin I.A. Metodika issledovaniya struktury` koncepta // Metodologicheskie problemy` kognitivnoj lingvistiki. Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2001. S. 58-65.

Tolkovy`j slovar` Ozhegova onlajn. Tribunal [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32306> (data obrashheniya: 05.12.2022).

Fedulova M.N. Sistema konceptov v yuridicheskom diskurse // Voprosy` psixolingvistiki. 2017. № 4(34). S. 106-115.

Cambridge Dictionary Online [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/array> (data obrashheniya: 05.12.2022).

Reverso Sontext [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://context.reverso.net/translation/english-russian/property> (data obrashheniya: 05.12.2022).